

БИБЛИОТЕКА
Императорскаго Государственнаго
АРХИВА
№ 1017

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ IX, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

- Памяти П. Д. Шестакова. **Н. А. Оярова.**
- Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г. **Н. Н. Оярова.**
- Толковая икона села Царицына. **Н. В. Сорокина.**
- Материалы для истории развития славянскаго жилища. **Н. З. Тихова.**
- Ирихи у Чувашъ. **В. Е. Магнитскаго.**
- Русскія имена и прозвища въ XVII в. **А. И. Соколова.**
- Свадебные обычаи Казанскихъ Татаръ. **М. Н. Пинегина.**

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1891.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

1017

ОБЪ ПРИХАХЪ У ЧУВАШЪ.

Объ Прихахъ у чувашъ краткія свѣдѣнія сообщаются многими авторами, писавшими о чувашахъ. Прежде чѣмъ сообщить нѣсколько новыхъ данныхъ, собранныхъ нами по этому предмету, я считаю умѣстнымъ сгруппировать въ одно уже имѣющіяся свѣдѣнія.

Неизвѣстный авторъ статьи о Чувашахъ прошлаго столѣтія говоритъ объ Прихахъ слѣдующее: „Нѣкоторые изъ Чувашъ имѣютъ у себя домашнихъ идоловъ, называемыхъ ирихами, итярями (второе слово, повидимому, искажено наборщикомъ). Они почитаютъ ириховъ такими духами, кои могутъ причинять, по просьбѣ своихъ хозяевъ, вредъ и болѣзни ихъ сосѣдямъ, любятъ обитать въ свинцовыхъ кружкахъ, въ средину коихъ продѣта красная шерстяная нитка съ привязанной на концѣ кисточкой рябиновыхъ ягодъ, которую они ежегодно мѣняютъ, по созрѣніи новыхъ ягодъ. Сей приборъ, ими обожаемый, обернувъ чистымъ полотномъ и берестю, они подвѣшиваютъ подъ потолокъ, прикрѣпляютъ къ нему разныя оловянные и свинцовыя бляхи и хранятъ въ чистотѣ. Ирихи бываютъ злые (хааръ, въ подлинникѣ невѣрно ханіаръ) и смиренны (ивваги). Ирихамъ и тюрямъ (?) Чуваша приносятъ въ жертву бѣлыхъ утокъ, саламату съ масломъ и небольшія прѣсныя лепешки. Обрядъ жертвоприношенія имъ совершаются въ домахъ“¹⁾.

¹⁾ Сѣверный архивъ 1827 №№ X и XI, стр. 139, 228. Въ 1888 г. статья о Чувашахъ перепечатана въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, редакціей коихъ издано сто отдѣльныхъ оттисковъ подъ заглавіемъ: О чувашахъ. Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII ст. Съ предисловіемъ и примѣчаниями В. Магницкаго. Казань. 1888 г.

А. Θ. Фуксъ въ своихъ Запискахъ о Чувашахъ говорить: „Чуваши ни о чемъ такъ подробно не умѣютъ разсказывать, какъ объ Ирихѣ. Его дѣлаетъ Юмсъ, расплавляя олово и выливая его въ формочку. Ирихъ не простой кусокъ олова, но маленький идолъ съ руками, ногами, глазами и величиною въ вершокъ. Ириха всегда ставятъ въ клѣткахъ, молятся ему и приносятъ ему жертвы. Жертва Ириху по-чувашски называется *Кимерь*, по-русски—кисель, приготовляемый изъ яшной муки съ масломъ и съ водою; еще приносятъ ему въ жертву прѣсныя лепешки. Ириху молятся, когда болятъ глаза, зубы, уши или когда бываетъ сыпь и вереды. По прошествіи десяти лѣтъ, опредѣляютъ въ жертву Ириху барана.—Рябиновую или липовую вѣтку, на которой виситъ Ирихъ, всякій годъ перемѣняютъ, бросая старую въ воду, а самъ Ирихъ всегда остается“¹⁾. К. Θ. Фуксъ въ отвѣтъ на это сообщеніе въ тѣхъ же Запискахъ пишетъ: „Чуваши не идолопоклонники. У нихъ нѣтъ идоловъ и ничего такого, чему бы они молились. Ихъ Ирихъ, или вѣточки, связанныя изъ рябины, въ каждомъ (?) домѣ надъ дверьми находящіяся, служатъ имъ для удаленія недоброжелательнаго духа, вредящаго, какъ они думаютъ, достиженію супружеской цѣли“²⁾.

Протоіерей В. П. Вишневскій въ статьѣ о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ ихъ Ирихѣ говорить такъ: „Ирихъ енигу приписываютъ разнаго рода сыпи на тѣлѣ, коросту, чирьи, болѣзнь глазную. Для умилостивленія его они устраиваютъ кузовья, и кладутъ въ нихъ рябиновыя вѣтки, кусочки олова, обрѣзки ногтей, волосы, кисель и хранятъ свои кузовья въ житницахъ“³⁾.

Бывшій адъюнктъ-профессоръ Казанскаго Университета В. А. Сбоевъ въ своихъ письмахъ о чувашахъ, печатавшихся въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, опредѣляетъ ириха такъ: „Ирихъ, божество, посылающее на людей разныя наружныя болѣзни, такъ-то: оспу, корь, чирьи, коросты, глазную болѣзнь и проч. Кого постигаетъ одна изъ такихъ болѣзней, тотъ долженъ принести ириху въ жертву гороховый

^{1) 2)} Записки Александры Руксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губернии. Казань. 1740 г., стр. 93, 96 — 97 и 141.

³⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1846 г. № 23.

кисель и нѣсколько ягнятъ по назначенію іомси. У одного изъ ягнятъ отнимають голову и кладутъ ее въ особый кузовъ, который обыкновенно вѣшается въ углу амбара, украшается разными вѣтками, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также прихомъ и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней“. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же писемъ, по поводу сообщенія А. А. Фуксъ, онъ говоритъ: „Всѣ эти сказанія, противорѣчающія одно другому, совершенно несправедливы. Ирихи были просто кадки или кузова поставлявшіяся или вѣшавшіяся въ углу амбаровъ и наполнявшіяся костями принесенныхъ въ жертву животныхъ. Очень явно, что въ „Запискахъ о Чувашахъ“ принята случайная принадлежность предмета за самый предметъ. Точно надъ кузовами съ костями жертвенныхъ животныхъ ставились иногда вѣтки, но къ нимъ привѣшивали не одинъ кусокъ олова, а многія блестящія, а у богатыхъ чувашъ—и серебряныя деньги. Ни объ идолообразномъ устроеніи ириха, ни объ рассказываемой „Записками о Чувашахъ“ церемоніи бросаніе стараго ириха въ воду я ни прежде ни теперь не слышалъ ни слова“¹⁾.

Н. И. Золотницкій въ статьѣ о жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ говоритъ: „Словомъ ирих, имѣющимъ настоящее значеніе „посвященія“, у чувашъ означается и предметъ посвященія и мѣсто посвященія (приношенія) и жилище того духа, которому дѣлается посвященіе, это же слово составляетъ общее именованіе и самихъ духовъ, которые при томъ имѣютъ частныя названія по своимъ свойствамъ, по качеству мѣстности, по имени селенія или владѣльца усадьбы, по именамъ христіанскихъ и мухамеданскихъ святыхъ и даже по именамъ древнихъ влaстителей. Духи эти не только переходятъ вмѣстѣ съ своими жилищами при перемѣщеніи послѣднихъ, но и размножаются, подобно киремети, посредствомъ отдѣленія частицъ отъ ихъ жилищъ“²⁾.

Профессоръ Е. А. Маловъ въ статьѣ: о вліяніи еврейства на чувашъ говоритъ: „Слово ирихъ (йирих), по нашему мнѣнію, имѣетъ совершенно иное значеніе“.

---

¹⁾ Исслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Казань. 1855 г. стр. 124—125.

²⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. № 100.

„Я произвожу это слово отъ еврейскаго *яракъ*—прозя-
бать, произрастать, отсюда *яракъ*—молодая зелень, а также
ерекъ—зелень. Послѣднее слово особенно указываетъ на
прихъ-прихъ. Въ Библии слово ерекъ употребляется, когда
говорится о зелени (Псал. 36, 2. Быт. 9, 3. Исх. 10, 15.
Сравн. *ярокъ* зелень, мурава. Тов. 39, 8). Такимъ образомъ
слово *йирихъ* есть еврейское“¹⁾.

Позднѣйшіе авторы для выясненія значенія приховъ въ
жизни чувашъ сообщаютъ фактическихъ данныхъ болѣе,
чѣмъ мало. Такъ священникъ В. Я. Смѣловъ въ статьѣ
„Нѣчто о чувашскихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ“
объ прихахъ говоритъ лишь слѣдующее: „Йирихъ—большою
частью какое-нибудь дерево, рѣдко—старый амбаръ. Йирихъ
посылаетъ наружныя болѣзни, особенно чирьи. Въ жертву
приносятся куски холста, серебряная монета, а для избав-
ленія отъ чиревъ—кружечки изъ олова. Кружечки эти пред-
варительно накладываются на чирей“²⁾.

Діаконъ В. И. Миролюбовъ въ статьѣ: „Изъ быта кре-
щеныхъ чувашъ (добавимъ—села *Чутеева*, Цивильскаго уѣз-
да) говоритъ „Ирихъ—это два, три отдѣльно растущія де-
рева, большою частью—вязовыя; духъ, обитающій въ нихъ,
менѣе зловреденъ для чувашъ, чѣмъ духъ киремети. Онъ
можетъ вредить людямъ только наружными болѣзнями, какъ-
то: вередями, ранами, и разною сыпью на тѣлѣ, поэтому и
жертва ириху приносится скромная. Онъ довольствуется
только перышками, косточками птицъ, разными привѣсоч-
ками, какъ-то: шелковыми ниточками, разными тухлавами
(кружечками изъ бѣлой жести или свинца) и разными об-
носками обуви и т. п. Срубить одно изъ такихъ деревьевъ у
чувашъ считается также дѣломъ невозможнымъ. Еслибы кто
рѣшился поднять святотатственную руку на ириха, то такой
смѣльчакъ, по вѣрованію чувашъ, на всю жизнь останется
покрытымъ неизлѣчимыми струпами“³⁾.

Священникъ И. Архангельскій въ очеркѣ чувашской
народности говоритъ: „Славяне отводятъ для своего *чура*

¹⁾ О вліяніи еврейства на чувашъ (Опытъ объясненія нѣкоторыхъ
чувашскихъ словъ). Протоіерея Евѣмія Малова. Казань 1882 г. стр. 16.

²⁾ Извѣстія по Казанской Епархіи 1880 г. № 20.

³⁾ Извѣстія по Каз. Епархіи 1889 г. № 21.

или домового помещеніе подь очагомъ или подь печью, а въ извѣстное время—передній уголъ подполья. Чуваши своихъ *йыя*, *йыйхъ*, *йыйра* помещаютъ, гдѣ хранятся главные плоды ихъ земледѣльческаго быта—зерновой хлѣбъ—т. е. въ амбарѣ. Нагляднымъ выраженіемъ этого помещенія служить кузовъ съ извѣстнымъ содержаниемъ, который и зовется *йыйрихъ*. А такъ какъ изъ всѣхъ видовъ хлѣба у чувашъ преимуществуетъ рожь, то она и называется *йыйра-жъ*, а главные остатки, или отброски, т. е. отруби, называются *йыритъ*. Кузовъ помещается въ одномъ изъ угловъ амбара въ висающемъ, а если есть полки выше сусѣковъ, въ стоячемъ положеніи. Въ кузовѣ находятся обрѣзки волосъ и ногтей, какъ предметы посвященія, принадлежащія организму посвящающаго, менѣе другихъ подверженныя разложенію. Сюда же кладутся кусочки олова *тухланъ*,—металла способнаго подниматься (?) (плавиться) скорѣе другихъ металловъ. Есть мнѣніе (чье?), что тухланъ замѣняетъ древняго фетиша чувашъ, маленькаго вершковаго идола, имѣющаго человѣческія формы, который готовится изъ олова (въ родѣ боговъ Лавана, украденныхъ Рахилью). Изъ распросовъ лучшихъ чувашъ по этому поводу, полнымъ довѣріемъ коихъ пользовался въ свое время пишущій эти строки, удалось узнать только то, что подобныхъ формъ нынѣ въ *йыйрихъ* нѣтъ; но у нихъ сохранилось преданіе, что ихъ предки на память съ умершихъ „садчиковъ“, которые сажали (селили) чувашъ на извѣстныхъ мѣста, дѣлали куклы деревянныя или оловянныя, похожія на нихъ, садчиковъ. Какого размѣра были эти куклы и гдѣ онѣ хранились, теперъ чуваша не знаютъ. Куклы эти носили имѣна тѣхъ садчиковъ, въ память коихъ онѣ сдѣланы; напр.: Юшанъ—дубовый, твердый (такъ ли? Юшанъ—дубъ, а дубовый по-чувашски Юшанранъ) и т. под. Тутъ же въ кузовъ кладутся обрѣзки холста, ситца, сукна, ремешки отъ выдѣланныхъ кожъ и овчинъ и даже щепочки отъ новаго сруба, вообще отъ всякихъ чувашскихъ обновъ. У чувашъ всякая обнова—въ обуви, въ одеждѣ, и въ жильѣ должна получить, такъ сказать, санкцію йыя или йыйхъ. Тутъ же кладутся мелкія монеты. Снаружи кузовъ украшается разноцвѣтными ленточками, а у богатыхъ серебряными монетами. Еще необходимую принадлежность *йыйриха* составляютъ вѣтки рябины, помещаемыя внутри и внѣ кузова... *Йыйрихъ*, въ которомъ обобща-

лось понятіе чувашъ объ умершихъ предкахъ... наказываетъ чувашъ за отступленіе отъ завѣтовъ старины и порядка, переданнаго предками, и за неуваженіе ихъ памяти—болѣю въ поясницѣ, лишаями, коростой, скорбутомъ, чирьями, нарывами, глазами и другими наложными болѣзнями, къ которымъ чуваша относятъ изъ міазматическихъ болѣзней оспу и корь по ихъ наружному виду¹⁾.

Слово ирихъ нѣсколько разъ встрѣчается въ фельетонной статьѣ А. Жакмона: „Чуваши въ Оренбургской губерніи“. но въ дѣйствительности авторъ подъ названіемъ ирихъ описываетъ жертвоприношенія чувашъ киреметямъ, Богу и въ честь покойниковъ; о самомъ же ирихѣ мы не находимъ у него ни одинаго слова²⁾.

Перехожу къ изложенію свѣдѣній, собранныхъ непосредственно. Въ 1885 году бывшій учитель, чувашинъ села Тюрлеми, Чебоксарскаго уѣзда, Мак. Петр. Арзамасовъ доставилъ мнѣ подъ названіемъ ирихъ самодѣльную чувашскую куклу, изображавшую женщину. По его словамъ, эту куклу передалъ ему грамотный чувашинъ деревни Читламы того же уѣзда Григорій Петровъ Бычковъ, который добылъ ее тайно въ лачугѣ своего сосѣда, гдѣ она хранилась въ углу на полкѣ въ игрушечной зимней повозкѣ. Куклу отъ Арзамасова я приобрѣлъ и подарилъ бывшему секретарю Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи С. К. Кузнецову. Этотъ случай и побудилъ меня попытаться собрать объ ирихахъ новыхъ данныхъ.

Проѣзжая зимой 1887 г. Чебоксарскимъ уѣздомъ для осмотра училищъ, я просилъ нѣкоторыхъ учителей добыть мнѣ при случаѣ кузовъ, въ который складываются чувашами жертвенныя приношенія Ириху. Первымъ на мою просьбу откликнулся учитель *Толиковской* церковно-приходской школы, дьяконъ села Яндашева П. А. Троицкій. Въ мартѣ 1888 г. онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Въ бытность Вашу у насъ въ школѣ вы просили, чтобы мы доставили вамъ какъ-нибудь чувашскій ирихъ (въ школѣ при мнѣ былъ и законоучитель священникъ Г. И. Громовъ, котораго

¹⁾ Самарскія Епарх. Извѣстія 1886 г. № 13, 14 и 15. Намъ извѣстно, что авторъ наблюдалъ бытъ чувашъ въ Бунинскомъ уѣздѣ Симбирской губ. въ Шемуршинскомъ приходѣ.

²⁾ Московскія Вѣдомости 1890 г. № 45 и 70.

П. А. Троицкій и подразумѣваетъ). Вы объясняли, что это есть какая-то кукла, но на самомъ дѣлѣ оказалось не кукла, а расплавленный свинець или олово, слитки коего нанизаны на нитку, на подобіе серебряныхъ монетъ. Намъ удалось приобрести его случайно. Сосѣдъ мой Н. Е. Яндашевскій купилъ съ торговъ у односельца Аввакума Владимірова старый чувашскій амбаръ, который онъ и перевезъ къ себѣ на дворъ. Во время складыванія на дворѣ бревенъ изъ одного гнилаго бревна высыпались неожиданно упомянутые слитки. Было это въ присутствіи многихъ чувашъ. Нѣкоторые изъ нихъ помоложе, удивлялись: что это за штука? Но одинъ старенькій объяснилъ, что это есть „*прихъ*“ и рассказалъ употребленіе его. Ириху налилось горсти двѣ. Если вы таковымъ интересуетесь, то потрудитесь сообщить адресъ вашей квартиры, и я перешлю его вамъ, какъ вскрыется Волга“.

Я, конечно, не замедлилъ отвѣтомъ и попросилъ П. А. Троицкаго записать и сообщить мнѣ тѣ объясненія, которыя сдѣлалъ старенькій чувашинъ объ употребленіи слитковъ.

Во второмъ письмѣ, отъ 20 апрѣля, П. А. Троицкій объ ирихахъ сообщилъ слѣдующее:

„Ирихъ—вещь родовая, наслѣдственная; переходитъ онъ изъ роду въ родъ, но съ того мѣста, гдѣ разъ назначено ему быть не трогается до сгніенія или случайнаго исчезновенія амбара или лагучи, въ которыхъ онъ хранится. По мнѣнію чувашъ, ирихъ есть какое-то цѣлебное вещество или божество, предохраняющее ихъ отъ глазныхъ болѣзней, веретовъ и другихъ подобныхъ нарывовъ; заболѣтъ, напр., чувашинъ глазами и вотъ онъ начинаетъ молить „ирихъ“.

Для моленья печется предварительно изъ пшеничной муки прѣсная лепешка. На этой лепешкѣ, до посадки ея въ печь, дѣлается по срединѣ концомъ скалки углубленіе, а по краямъ, пальцами рукъ, пять защиповъ. Когда лепешка испечется, начинаютъ варить „*нимеръ*“. Это есть родъ киселя. „*Нимеръ*“ готовится такъ: въ подвѣшенный надъ горномъ (вочахъ) котель наливаютъ воды, кладутъ потребное количество соли и начинаютъ кипятить воду; когда вода вскипитъ, пускаютъ въ нее извѣстную пропорцію пшеничной муки и коровьяго масла (*сю*) и снова смѣсь начинаютъ кипятить. Кипятятъ довольно долго. Наконецъ „*сю нимеръ*“ готовъ. Тогда на средину избы выставляютъ столъ, ставятъ

на него „сю нимерь“, кладутъ упомянутую выше пшеничную лепешку и топорь или косарь; передъ иконами на божницѣ затепляютъ восковую свѣчу и затѣмъ приступаютъ къ изготовленію „приха“.

Прихи дѣлаются такъ: одна изъ старухъ иногда и стариковъ (изготовленіемъ приховъ заправляютъ болѣе женщины, мужчины же участвуютъ побочно) беретъ въ руку широкую лучину, на средину ея кладетъ маленькій кусокъ олова или свинца и затѣмъ свободный конецъ лучины зажигаетъ, держа лучину подъ топоромъ или косаремъ; огонь, достигнувъ до средины лучины, гдѣ положено олово или свинецъ, расплавляетъ послѣдній, расплавившееся вещество капаетъ на топорь или косарь, и вотъ—„прихъ“ готовъ. Топорь или косарь кладутъ подъ расплавляемое олово или свинецъ потому, что съ нихъ застывшій сплавъ легко снимается, а это-де обстоятельство знаменуетъ то, что также легко прихъ долженъ очищать струны у просящихъ у него исцѣленія. Получившійся на топорѣ или косарѣ слитокъ снимается и вздѣвается на нитку. Послѣ этого начинаютъ молить приха, чтобы онъ избавилъ отъ такой-то болѣзни. Молятся приху такъ: Сирлакъ пирѣ, прихъ, косне турлетъ и т. д., т. е. Помилуй насъ, прихъ; глаза исцѣли! Какъ мы тебя, прихъ, бережемъ, такъ и ты насъ береги отъ всякихъ завѣдуемыхъ тобою болѣзней!

Послѣ молитвы прежде всего вырѣзаются средина лепешки съ сдѣланнымъ на ней углубленіемъ и края съ защитами, въ вырѣзанную средину лепешки кладется часть нимеря, отрѣзанныя части лепешки завязываются въ тряпку и опускаются въ кузовъ (йѣрѣх пѣрни, какъ намъ назвалъ по-чувашски одинъ учитель чувашинъ); въ то же время къ кузову привязываются оловянные слитки и затѣмъ кузовъ уносится въ амбаръ или лачугу въ жертву приху. Послѣ этого совершители обряда садятся за столъ сами и принимаютъ кушать все оставшееся за выдѣломъ приху.

Изготовление приха и моленье ему совершаются тайно не только отъ сосѣдей, но и родственниковъ совершителей обряда.

У кого въ домѣ нѣтъ родового кузова, а вѣра въ приха есть, тѣ изготовленный „прихъ“ вѣшаютъ въ полѣ или въ лѣсу на кусточкахъ.

Объ прихахъ—заканчиваетъ письмо П. А. Троицкій—сообщила всѣ подробности старушка, которая при васъ сидѣла у насъ въ школѣ съ канчалушкой (прялкой); старикъ же, бывший при выпаденіи ириховъ изъ гнилого амбара въ с. Яндашевѣ, рассказывалъ мало, сухо, коротко“....

Къ сожалѣнію, и во второмъ письмѣ П. А. Троицкаго есть существенныя недомолвки. Такъ изъ его описанія не видно: кѣмъ и съ какими обрядностями снимается и приносится въ избу родовой кузовъ? Какъ располагаются передъ столомъ совершители обряда? Съ какими обрядностями привязываются къ кузову оловянные слитки и затѣмъ послѣдній уносится? Не менѣе жаль, что молитва ириху приведена П. А. Троицкимъ не сполна и не указано лицо, читающее молитву. Особенно важно бы знать: какъ называются почуваши мѣста въ полѣ или въ лѣсахъ, гдѣ вѣшаются слитки совершителями обряда, неимѣющими родоваго кузова? Вѣшаются ли слитки всегда на извѣстныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ или же каждый разъ въ разныхъ? Ответы на эти вопросы важны для выясненія особенностей жертвоприношенія ирихамъ и киреметямъ, что этнографами постоянно смѣшивается.

Разсортировавъ доставленные мнѣ П. А. Троицкимъ слитки, я насчиталъ ихъ 121 экземпляръ. Въ этомъ числѣ оказались два слитка свинцовыхъ и 119 оловянныхъ. Слитки имѣютъ ту форму, какую сплавъ получилъ при паденіи на холодное желѣзо. Нѣкоторые кусочки олова упали на желѣзо видимо нерасплавившимися и за это не забракованы. Самый большой слитокъ не болѣе 20-ти копѣчной серебряной монеты. По краямъ слитковъ имѣется по одной дырочкѣ, въ которыя продѣты нитки, длиною отъ 1½ четверти до 1½ вершковъ. Каждый отдѣльный слитокъ наизнанъ на особую нитку. Нитки—льняныя, небѣленыя, въ большинствѣ случаевъ не крученныя (обрывки пряжи); одинъ слитокъ оказался наизнанымъ на синюю крученую нитку. Концы нитокъ болѣею частию оставлены свободными для подвязыванія, у нѣкоторыхъ же онѣ связаны въ кольцо для подвѣшиванія слитковъ. По разборкѣ слитковъ, остался пучекъ нитокъ безъ слитковъ.

Въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры“ Казань. 1881 г., въ выноскѣ на 82 стр., слово чувашина села Абашъ Василя Якимова, говорится:

„Если желаютъ кому за что-либо отомстить, то загибаютъ йриха (т. е. слитую штучку) по поламъ, въ родѣ пирога, и при этомъ говорятъ: согни киреметь (ирихъ?) моего врага такъ, какъ я согнулъ этого йриха! Далѣе: иногда ворожецы рекомендуютъ кому либо изъ проходящихъ къ нимъ за совѣтомъ идти къ такой-то киремети (на мѣсто жертвенныхъ приношеній ириху?) отыскать близъ нея на его бѣду согнутаго йриха и разогнуть, чтобы бѣда прошла“.

Въ числѣ 121 слитка, доставленныхъ мнѣ П. А. Троицкимъ, пять слитковъ и дѣйствительно оказались согнутыми, но сплюснуты ли они съ указанной цѣлью или при переноскѣ слитковъ,—сказать положительно нельзя, потому что слитки сплюсчиваются при самомъ легкомъ нажимѣ на нихъ.

Вслѣдъ за П. А. Троицкимъ мнѣ доставленъ былъ кузовъ, съ привѣшенными къ нему оловянными слитками учительницей Абашевского сельскаго училища Чебоксарскаго уѣзда К. П. Богоявленской. Кузовокъ этотъ шить изъ бересты. Великою отъ 1½ вершка въ высоту и ½ вершка въ ширину. Въ отверстіе его, чтобы кузовъ не суживался, вставленъ изнутри черемуховый обручикъ, пришитый къ краямъ кузовка нитками. Снаружи къ отверстию прикрѣплена лямочка изъ крученаго лыка. Оловянные слитки, нанизанные на обрывки некрученой пряжи, разной длины, привязаны къ личной лямочкѣ въ мѣстѣ ея прикрѣпленія съ наружной стороны. По счету слитковъ оказалось 15; изъ нихъ два свинцовыхъ. Великою и по формѣ слитки одинаковы съ описанными выше. Согнутыхъ пирогомъ нѣтъ ни одного. Внутри кузовка было вложено 7 похратокъ (изъ бѣлой жести кружечки),—одинъ величиною въ 15-ти копѣечную монету, остальные—съ горошину. По словамъ доставительницы, кузовокъ добытъ ея учениками изъ деревни Чиршъ кассы, Абашевского прихода. Кузовокъ видимо сдѣланъ недавно.

Въ іюнѣ 1887 года учитель - чувашинъ Кюгесьской школы Матвѣй Григорьевъ доставилъ изъ того же Абашевского прихода подъ именемъ „*йерѣх пѣрни*“ (ириховъ кузовъ) четырехъ-угольную корзину, сплетенную изъ лыкъ. Къ сожалѣнію, этотъ доставитель счелъ неприличнымъ доставить корзину въ томъ видѣ, какъ она была доставлена ему, а предварительно вымылъ ее, оборвалъ всѣ принадлеж-

ности къ ней и выбросилъ подстилку, бывшую на днѣ. Доставленная Григорьевымъ корзинка по измѣренію оказалась: вышиной $2\frac{1}{4}$ вершка, такой же она ширины къ одному краю, а къ другому 2 вершка. Надъ отверстиемъ, какъ и у предшествоваваго кузовка, веревочная лямка. Корзинка видимо давняя. Въ корзинку было вложено: 15 слитковъ, 10 нахратокъ, $7\frac{1}{2}$ ячменныхъ колобковъ и 4 восковыя свѣчи.

Всѣ слитки, бывшіе въ корзинѣ,—свинцовые, величиной вчетверо болѣе описанныхъ выше; отлиты они, новидному изъ чайныхъ оберточныхъ листовъ и нанизаны на нитки.

Изъ числа нохратокъ двѣ—величиною въ горошину, остальные 8 въ серебряный пятикопѣечникъ.

Колобки, или какъ назвалъ ихъ по-чувашики предположительно одинъ чувашинъ, *торемѣть*, походятъ на копѣечную булку, но вдвое менѣе. По краямъ колобковъ имѣется до 7 зашиповъ, а въ серединѣ—углубленіе. У одного колобка въ углубленіи замѣтна бѣлесоватая засохшая масса, вѣроятно, пимерь. Края четырехъ колобковъ и одной половинки источены, повидимому, насѣкомыми.

Восковыя свѣчи длиной до $2\frac{1}{2}$ вершковъ, а толщиною въ стволъ вороньяго пера; одна изъ нихъ бѣлаго воска, остальные три желтаго. Свѣтели у желтыхъ обожжены.

Доставитель корзинки, хотя и чувашинъ, но о культѣ ириховъ чувашиками ничего сообщить не могъ, потому что съ дѣтства жилъ въ г. Чебоксарахъ, гдѣ совсѣмъ обрусѣлъ.

Въ мартѣ 1889 г. былъ доставленъ мнѣ ириховъ кузовъ учителемъ-чувашиномъ Яковымъ Ивановымъ изъ деревни Малыхъ Мемей (Куль башъ), Свияжскаго уѣзда. Мало-меминскій кузовъ сдѣланъ изъ вязовой коры, имѣетъ форму обыкновенныхъ русскихъ кузовьевъ. Вышиной отъ 3 верш., шириной по дну около 2-хъ вершковъ. Лямка для подвѣшиванія ниточная. Оловянные слитки привязаны въ мѣстахъ прикрѣпленія лямки съ обѣихъ сторонъ. Съ одной стороны кузова прикрѣплено пять оловянныхъ слитковъ и одинъ свинцовый, съ другой—девять. Кузовъ взятъ тайно изъ лагуги вдовы Анны Макаровой, считающейся въ деревнѣ ворожеей.

По собраннымъ до получения этого кузова свѣдѣніямъ отъ учениковъ Мало Меминской школы Братства св. Гурія,

въ деревнѣ Малыхъ Милыхъ ирихи имѣются въ пяти домахъ. Одинъ изъ владѣльцевъ ириха извѣстенъ въ деревнѣ подъ именемъ „*йерех-набай*“ — дѣдушка, имѣющій ирихъ¹⁾).

Въ жертву ирихамъ, кромѣ перечисленныхъ выше приношеній, въ Малыхъ Мемяхъ приносятся еще куриныя яйца, зачерненные сажей съ того или другого конца. Отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ нѣтъ ириховъ, жертва ириху свосывается въ плетни и заборы, окружающіе усадьбную осыдлость владѣльцевъ ириха. Разъ былъ такой случай, рассказывали мнѣ ученики. Чувашскіе мальчики, игравшіе на улицѣ, замѣтили повѣшенный на плетень оловянный слитокъ, сняли его на землю и стали хлестать прутьями. На другой день у одного изъ шалуновъ вскочилъ чирій. Родители этого мальчика, узнавъ объ участи его въ предшествовавшей проказѣ, для умилостивленія ириха поспѣшили принести въ жертву яйцо.

Бывшій учитель Бичуринскаго 2-хъ класснаго училища, Чебоксарскаго уѣзда, изъ чувашъ Ядринскаго уѣзда Ѳ. Н. Никифоровъ сообщилъ намъ, что словомъ ирихъ чуваша называютъ духа. Наружнымъ изображеніемъ его служитъ кукла, представляющая дѣвушку. Такую куклу вложенную въ кузовъ съ жертвенными приношеніями ириху, онъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ амбарѣ своего ододеревенца. Случилось такъ, что съ амбара вѣтромъ сорвало крышу, и деревенскіе мальчики, узнавъ объ имѣющемся въ амбарѣ ирихѣ, лазили въ амбаръ посмотрѣть ириха. Что касается рябины, то она у чувашъ считается вообще цѣлебнымъ средствомъ отъ вредоносныхъ духовъ. Такъ чуваша навѣшиваютъ части рябиновыхъ вѣтокъ на шею дѣтямъ, больныхъ скорбутомъ, что по-чувашски называется „*Вубуръ чумлатъ*“. Близъ мѣста нахождения ириховъ строго воспрещается исправлять естественныя нужды. Въ послѣднее время, по словамъ г. Никифорова, много ириховъ брошено чувашами въ рѣчку въ Тимирьянскомъ приходѣ, Буинскаго уѣзда, подъ вліяніемъ поученій одного чувашина.

Лучшій экземпляръ ириха, въ формѣ круглаго небольшого лукошка, имѣется въ Миссіонерскомъ Пріютѣ въ Ка-

---

¹⁾ Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ дер. Таганашевой, былъ чувашинъ подъ названіемъ Ирихъ Хведеръ, т. е. Хранитель ириха Ѳедоръ. См. Матеріалы къ об. старой чув. вѣрн. стр. 80.

зани. Тамъ же хранятся принадлежности ириха, обнаруженнаго въ деревнѣ Масловой (Кивьяль), Чебоксарскаго уѣзда, подъ именемъ „*Мелимъ хузя*“ и описаннаго въ моихъ „Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры (стр. 68—77). Н. И. Золотницкій названіе этого ириха произвелъ отъ имени магометанскаго святаго, но, судя по тому, что ирихи у чувашъ переходятъ изъ рода въ родъ по наслѣдству, что чувашскія языческія имена были одинаковы съ татарскими и что титуль „*ходжа*“ (татар. бозя, кузя, чуваш. хозя, хузя) носили и чуваша, можно предполагать, что „*Мелимъ хузя*“ былъ предокъ тѣхъ чувашъ, у потомковъ коего онъ былъ обнаруженъ.

Отъ слова ирихъ, кромѣ лицъ, и вещей носятъ названія селенія, рѣчки и острова. Такъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ существуютъ деревни: Ирихъ сирьмы (Ириховъ оврагъ) въ Кошкинскомъ и Акулевскомъ приходахъ. Въ томъ же Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ юго-западномъ его углу, подъ деревнями Большое и Малое Карачурино Янгилединскаго прихода, Козмодемьянскаго уѣзда, протекаетъ рѣчка Йерекъ шу. На берегу этой рѣчки чувашами совершаются обильныя жертвенныя приношенія¹⁾. Въ ядринскомъ уѣздѣ рѣчка „*Йерекъ шу носъ*“ течетъ въ присурскихъ лѣсахъ, близъ Кошлоушскаго прихода.

Несомнѣнно отъ слова ирихъ получилъ названіе „Ириховъ островъ“ на рѣкѣ Волгѣ, при деревнѣ Арахчиной, выше села Верхняго Услона. Съ этимъ названіемъ островъ упоминается въ одномъ документѣ подъ 1594 годомъ²⁾. До 1795 г. Иреховъ островъ принадлежалъ помѣщику Желтихину, а теперь — городу Казани.

---

¹⁾ Волжскій Вѣстникъ 1887 г. № 201. (Корреспонденція изъ Чебоксарскаго у.)

²⁾ Село Верхній Услонъ. Извѣстія по Казанской Епархіи 1881 г. № 7.